

**Первый заведующий Главным управлением архивным делом при
Наркомпросе РСФСР (1918-1920)**

РЯЗАНОВ (Гольдендах) Давид Борисович 1870 - 1938

Организатор архивного дела в первые послереволюционные годы в России. Академик с марта 1929 г., лишен звания в связи с арестом в 1931 г., восстановлен в звании академика посмертно в 1990 г. Родился и вырос в Одессе в многодетной семье набожного еврея-торговца. Еще гимназистом принял активное участие в пропаганде марксизма среди рабочих. Был исключен из пятого класса гимназии «за неспособность». Достиг путем упорного самообразования вершин гуманитарных знаний. Практически все юношеские годы и молодость провел в тюрьмах, причем в одной из них изучал «Евангелие - на польском языке, Данте - на итальянском Маркса - на немецком». Впоследствии переводил сочинения Маркса и Энгельса для академических изданий с немецкого языка, а также экономические труды Д. Рикардо - с английского, социальную утопию Кабе «Путешествие в Икарию» - с французского.

Выехав в эмиграцию, стал одним из первых молодых революционеров-марксистов, сумевших установить тесные связи сотрудничества с виднейшими западноевропейскими социал-демократами старшего поколения. Его допустили к важнейшим государственным и частным хранилищам, где находились массивы документов по истории марксизма, в частности, личные архивы Маркса и Энгельса.

До 1917 г. Рязанов не примкнул ни к большевистской, ни к меньшевистской партии, выступая за объединение всех российских социал-демократов. Принятый в большевистскую партию только летом 1917 г. (вместе с «межрайонцами») стал после возвращения в Россию деятельным участником революции, ее страстным оратором и энергичным организатором.

Будучи избранным членом Президиума Всероссийского съезда Советов, голосовал против роспуска Учредительного собрания. Его авторитет знатока научного наследия основателей марксизма обусловил положение в партийно-правительственной иерархии, хотя он не был избран даже членом ЦК, а самый высокий его правительственный пост - член коллегии Наркомпроса, руководитель Отдела науки. Один из соратников Рязанова по партийно-профсоюзной работе А.Лозовский так характеризовал особенности его политического поведения в послереволюционные годы: «Д.Б.Рязанов никогда не бывает ни пассивен, ни нейтрален. Про него нельзя сказать, что он холоден или горяч. Он всегда кипит, клопочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, переливающийся через край темперамент. Он не входит в дело, а вливается в него...».

Для стиля выступлений Рязанова характерна выдержка из критики плана 1-ой пятилетки на XVI партконференции в апреле 1929 г.: «Головотяпов из РСФСР, Голодедов из БССР, Голопупенко из УССР, Голодрадзе с Кавказа - каждый тянет в свою сторону». Не скрывал негативного отношения к стремлению Сталина стать единоличным вождем партии, публично издевался над его претензиями на вклад в марксистско-ленинскую науку (в партии была широко известна реплика Рязанова в адрес Сталина - «Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Все прекрасно знают, что теория - не твоя сильная сторона»). Незадолго до своего ареста Рязанов высмеивал «философских младенцев», которые думают, что «марксизм так же легко, путем издания декрета, превратить в ленинизм, как Петроград переименовать в Ленинград, а Царицын - в Сталинград».

После активной работы в 1918-1920 гг. на посту руководителя архивной отрасли Рязанов в декабре 1920 г. получил поручение от ЦК РКП(б) организовать «первый в мире музей по марксизму», который вскоре был назван Институтом Маркса-Энгельса (ИМЭ, в дальнейшем ИМЭЛ) и по предложению Рязанова определен как автономное учреждение при Социалистической академии. Рязанов привлекал на работу в Институт сотрудников, руководствуясь прежде всего их профессиональными качествами, а не

партийной принадлежностью, причем открыто заявлял об этом: «Мне удалось уговорить ряд товарищей не за страх, не за деньги, а за совесть работать в этом деле, упорно работать, добросовестнейшим образом работать за такое вознаграждение, за какое многие молодые люди никогда не будут работать». В июле 1922 г. президиум ВЦИК вывел Институт из Соцакадемии и он приобрел статус всесоюзного научно-исследовательского института при ВЦИК, позднее при ЦИК СССР.

12 января 1929 г. на общем собрании Академии наук Рязанов 27 голосами против трех был избран в Академию, причем три из десяти баллотировавшихся вместе с ним по списку кандидатов от ВКП(б) не получили нужного количества голосов, а Бухарин прошел только благодаря перевесу в один голос. С этого началось т.н. «академическое дело», против самых ранних проявлений которого Рязанов протестовал с первых же своих шагов в качестве академика: «Я хотел в Академии развернуть действительно научную работу, только на этих условиях я соглашался пойти туда, а мне не дают этого делать. Они хотят, чтобы я был при академии политическим комиссаром, но этому не бывать». «Они», - расшифровывал эти слова соратник Рязанова профессор И.И. Рубин, - это члены партийного ЦК во главе со Сталиным.

В марте 1930 г. был торжественно отпразднован 60-летний юбилей Рязанова. Он был награжден орденом, в изданной к юбилею книге он назван великим стратегом, политиком, теоретиком марксизма. Но под многочисленными поздравлениями, направленными в адрес Рязанова, подписи Сталина не было. А уже через год Рязанов был арестован, исключен из партии и выведен из состава членов АН. Ему вменялось в вину утаивание от партии мифического «конверта с запечатанными документами меньшевистских вождей». Возможно, речь шла об оригинале письма Маркса к дочери Женни, которое Рязанов получил от сестры Мартова под честное слово не публиковать его и которое Рязанов хранил в сейфе Института. Но это был только предлог. В постановлении Президиума ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1931 г. говорилось: «Правление ИМЭ распустить. Назначить т. Адоратского директором Института Маркса и Энгельса. Назначить т. Товстуху (личного помощника Сталина) заместителем директора Института Маркса и Энгельса». После недолгого тюремного заключения во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, а затем в Суздальском политизоляторе, Рязанова без суда ссылают в Саратов. Здесь он был обречен на «интеллектуальный голод», который был для Рязанова едва ли не более мучителен, чем голод и лишения физические.

От Рязанова ждали покаяния, но он не сломился. В 1934 г., по-видимому благодаря содействию М.И. Калинина и С.М. Кирова, ему разрешают перебраться для продолжения научной работы в Москву, но с в июле 1934 г. возвращают в Саратовскую ссылку, где он организывает библиотеку в качестве библиографа кафедры истории нового и новейшего времени на только что образованном историческом факультете Саратовского университета.

В июле 1937 г. вновь арестован. По приговору закрытого судебного заседания расстрелян 21 января 1938 г. Варварским образом местными чекистами была уничтожена личная библиотека Рязанова и его огромный архив. Как вспоминала одна из свидетельниц, «...они распечатали кабинет Давида Борисовича... и начали сваливать рукописи, книги, бумаги из письменного стола, фотографии на пол. В доме была большая печь... Они разожгли ее и стали бросать туда все. Чтобы бумага горела лучше, они мяли ее в руках, рвали книги... Все это продолжалось несколько часов. Печь накалилась, не выдержала, и в конце концов треснула от пола до потолка».

Неоценимой заслугой Рязанова перед отечественным архивным делом является его деятельность на посту первого руководителя советского архивного дела (ЦКУА, ГУАД,) сначала в Петрограде, а затем во всей России, с июня 1918 г. по август 1920 г. Он руководил на заключительном этапе разработкой «Положения о Главном управлении архивным делом», в первом же пункте которого было зафиксировано то, к чему стремились российские историки-архивисты в течение многих десятилетий: «Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними книжно-научных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки». Все декреты об архивах, начиная с Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1 июня 1918 г., были подготовлены под руководством Рязанова. Он поддержал инициативу реформаторов архивного дела, объединившихся после Февральской революции в Союз российских архивных деятелей с целью спасения и сохранения документальных памятников правительственных учреждений, частных коллекций, личных архивов.

В эти годы возникла личная дружба и тесное деловое сотрудничество ученого-марксиста Рязанова и крупнейшего российского историка «старой школы» академик С.Ф. Платонова. В собственноручных показаниях арестованный по «академическому делу» Платонов писал в апреле 1930 г., что только «благодаря сближению с Рязановым», он «вошел в разумение свершившегося, признал

власть и стал работать в Главархиве».

Как отмечает один из первых исследователей вклада Рязанова в строительство архивной системы России С.О. Шмидт, «никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки - и, пожалуй, не только в России». По настоянию Рязанова ГУАД был включен в систему Наркомата народного просвещения с государственным финансированием.

Вокруг благородного дела спасения архивов и строительства архивной системы на новой, демократической основе он сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков послереволюционной России: Н.Н. Ардашева, С.В. Бахрушина, бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского (Рязанов не только вызволил его из тюрьмы, но и назначил редактором в военно-издательский отдел Архивного управления), Р.Ю. Виппера, князя Н.В. Голицына, Ю.В. Готье, А.Ф. Изюмова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского, С.П. Мельгунова, Б.И. Николаевского, В.И. Пичету, С.Ф. Платонова, М.А. Полиевктова, А.Е. Преснякова, генерала В.И. Селивачева, Е.В. Тарле, А.А. Шахматова и др. В ноябре 1919 г. он издал распоряжение, согласно которому арестованные ВЧК сотрудники архивов числились в их штате, и жены арестованных могли получать их зарплату. Во всей своей деятельности на архивном поприще он «представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других» (А.Ф. Изюмов). Зревший конфликт между политикой в архивной сфере руководства большевистской партии в лице М.Н. Покровского и Рязанова был разрешен в форме грубого административного вмешательства.

Когда летом 1920 г. Рязанов выехал в зарубежную командировку с целью переговоров о передаче рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса в советские архивохранилища, он был смещен с поста руководителя архивного ведомства и на его место пришла коллегия во главе с М.Н. Покровским, который считал, что отныне перед старыми специалистами «дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта».

С насильственным отстранением Рязанова началась новая эпоха в истории отечественного архивного дела, связанная с «политизацией» архивов и возрождением господства принципа ведомственности, который с таким трудом преодолевали русские историки-архивисты в 1918-1920 гг.